

МЕДВЕДЕВА

ВИДИТ МЕДВЕДКОВО

СТИХИ

Юлия Медведева

**МЕДВЕДЕВА
ВИДИТ
МЕДВЕДКОВО**

СТИХИ

Санкт-Петербург

2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=411.2)6-5
М42

МЕДВЕДЕВА ВИДИТ МЕДВЕДКОВО

Медведева, Ю. Е.

М42 Медведева видит Медведково : стихи / Юлия Медведева ; [СПб ООК «Аврора»]. — Санкт-Петербург, 2023. — 72 с. — (Библиотека журнала «Аврора»).

ISBN 978-5-00125-853-7

Первая книга автора включила в себя силлабо-тонические произведения и верлибры. Многие из них публиковались в литературных журналах и альманахах: «Аврора», «Артикуляция», «Зинзивер», «Молодой Петербург», «Паровоз», «Тонкая среда», «Этажи» и других.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=411.2)6-5

Ограничение по возрасту 16+

ISBN 978-5-00125-853-7

© Ю. Медведева, текст, 2023
© Э. Бауэр, обложка, 2023
© А. Воропанов, оформление, 2023

* * *

Что нам дал Пётр Первый, кроме картошки и табака,
кроме характера нервного да каменного мешка,
где и живём, словно клубни, – улыбнись! подмигни глазком! –
пусть бычки в каждой клумбе, цветочки идут леском.
Что клубишься туманчиком, опадаешь росой на стене,
там, где кафель «кабанчиком», там, где девочка с мальчиком
перешли на «нет»?
Что глотаешь до судорог этот воздух – бензин дорог,
это блюдо дня?
Север наш неуверенный, над Бассейной рассеянный,
выветрись из меня.

* * *

«Мужчина, у вас педаль застряла!»
Из турникета Финляндского вокзала
он пытается вырваться, хоть и потеряй велосипеда,
на электричку, которая увезёт его к свету
небесному, расплённому через хвою,
к морю блаженному, чаячьему вою;
хоть один выходной, хоть одно в пропадающей жизни оконце!
Бледный, словно моллюск, мужчина бьётся
в створках ракушечных сломанного турникета...
тщетно. В Питере никогда не бывает лета.

* * *

там, где море по колено,
там, где сосны-великаны,
ни гранатов, ни шопена,
только бульканье стакана,
да обветренные чайки
вечно начеку...
если там не полегчает –
вырывай чеку.

* * *

Это мое мелкотемье – берег, залив,
вот я опять мягкотело бреду в заплыв
довольно нелепый – руками касаясь дна:
песочные скрепы дарит неглубина.

Будет вода мутновата, тепла, пресна,
будто бы ванна, хоть и кругом леса.
Друзья усмехнутся, солнцу подставив бок:
«Пойти искупнуться? Слишком неглубоко».

А я, обругавши чаек, взметнувши рыб,
словно упав случайно, плещусь навзрыд.
Вниз устремляются тени, и кажется мне:
только в одном спасение – в неглубине.

* * *

Из Питера в Москву устремился сапсан,
петляя, вихляя вагонами, преодолевая крутые подъёмы,
словно по американским горкам он нёсся,
но я держалась
крепко за край чего-то, шатающегося на ветру,
и ободряла себя: ничего, как-то раньше
я ведь ездила этим маршрутом, всё было окей;
я не пропаду, не сорвусь, даже если мёртвой петлёй
галстук завяжет себе машинист ненароком,
даже если в штопор войдём –
ну, откроем бутылку,
не упадём в «дырку-булку-копилку»,
странно, конечно, что так залихватски он мчится,
что за деревья кругом, почему небо так высоко.
Поезд остановился, проводник нам сказал:
– Перерыв на обед, два часа, чтобы всё осмотреть. –
Я увидела море, чистейшее, с пляжем и маяками,
мост ажурный вдали – там никто не купался.
– Но почему? – я спросила у жителей местных.
– Потому что тебе оно снится, – сказали они,
а потом превратились в песок и в глаза мне попали –
я проснулась от вскрика, с разбитым сапсаном в груди.

* * *

мск, мск,
замок мой из песка,
подразбитый дождями и ветром,
и столица была далека, но близка
к поражению (дайте мне верхнее).

мск, мск,
из какого куска
стойкий сахар, что в чае не таял,
телефон застывал часовым у виска,
и стекло обретало звук стали.

мск, мск,
как бы ни волоска
не упало с мечты этой дерзкой...
но уже за окном занималась тоска
и сминаясь в купе занавеской.

* * *

Повелевай на Павелецкой,
а на Казанской расскажи,
как ты влюбился не по-детски
и не по лжи.

Как молодец на Хорошёвской,
на Партизанской онемел,
как на Петровско-Разумовской
ты ни петра не разумел.

Как на Орехово зубами
защёлкал гулко в пустоту,
кого-то этим позабавив,
но ненадолго и не ту.

В своём страдании упорном,
испив коньяк из-под полы,
забыл подняться на Нагорной,
и сразу – Верхние Котлы.

Но зная, что она одна есть,
шагаешь рьяно и легко....
А та – смеясь, ВДНХаясь,
порхает где-то мотыльком.

* * *

Курс рубля упадёт, ночь ли наступит безлунная –
чем наградит создатель, но я
надёжная, сильная, умная
женщина – вообще существа прилагательное.
Приляг ко мне, прислонись, удержишь,
постарайся все соки выжать,
я буду думать, что мне без тебя не выжить,
буду верить, что ты и есть моя жизнь.

И когда щелчком выключателя вырубит нас до утра,
комната встанет в двадцать четыре ребра
с кавернами окон и в переплетенье артерий,
и застучит аритмично и тяжело
наше благоустроенное жильё,
воздав по терпенью и вере.

Оторвись от дивана, лети в пустоту ресниц,
там, в начале пути, окажись, приснись
тонким, как стебель, молодым и красивым;
со взглядом, приговорённым к любви,
отблеск речной зазеркальной лови
ещё не свалявшейся гривой.

За Подмосковьем, за веком, за волоском
я расстилаюсь небом твоим и песком
и нарожаю новых тебе созвездий,
чтобы наутро в звяканье чайных ло-
жек под лопаткой больной ощутить тепло –
может быть, ради этого мы ещё вместе.

* * *

давай пойдём по полю, по лесополосе
где красные с врагами играют в хэндэ хох
и там падём под пулями во всей своей красе
и падая, руками взмахнём до облаков

давай пойдём по лужам все глубже в океан
небрежно скинув туфли, насвистывая туш
потом по неотложным отправимся делам
по раскаленным углям, по МКАДу, чего уж

давай пойдём навстречу друг другу как-нибудь
хватаясь за былинки, пугаясь до седин
и всё темнее вечер, и всё опасней путь
да, возле этой блинной покурим, посидим

* * *

Метелью взъерошены ветки,
и снегом хреначит в окно,
Медведева видит Медведково,
не зная, что это оно.

Дома в мутноглазой подсветке,
изрытый холмами туман, –
забытое богом Медведково,
похожее на Магадан.

Пока телефон на зарядке,
что ей остаётся: зевать,
пить кофе со снегом вприглядку
и падать, как снег, на кровать,

где прутья стальные, как в клетке,
подушки с мечтами внутри,
и долго не видеть Медведкова,
часа этак два или три.

И снова к окошку: «Да ладно!»,
догадки пронзительный клин –
«Казалось, что это Отрадное,
а это Медведково, блин».

Пурга похоронит дорогу,
подъезды, дворы, гаражи...
И, кажется, скоро берлогой
накроется вся её жизнь.

* * *

Чермянка и не речка – ручеёк,
малявка, извивается и плачет,
в ней только сумасшедшие рыбачат,
не прицепляя к удочке крючок.

Чернявка, кто за что тебя любил?
Портвейн дешёвый хлещет из кувшина.
Из состраданья полчища кувшинок
ей прикрывают неказистый тыл.

Пищит комар, осунулся осот,
и к чудесам как будто не годна я,
но тонущая крыса водяная
сама спасётся и меня спасёт.

* * *

Хочу с тобою на залив, жить на заливе,
не там, где росчерки олив, а где дождливей,
где навалились валуны на пляж белёсый,
где слёзы долгие сосны, надрыв берёзы,
где ветер брызгает песком, окурок – пеплом,
где ты замёрзнешь босиком, и я – под пледом.
Жить, всех на свете позабыв, как в глупой песне.
Пока в нас плещется залив – мы не исчезнем.

СНЕГ – ЭТО К СМЕХУ

* * *

– Снег – это к смеху,
если приснится, смеяться будешь, небось, –
бабушка говорит, лаяя прореху
(Земля налетела на небесную ось).

– А вот рыба – это к слезам,
особенно, если живая, –
подносит лупу к глазам,
Алтайский хребет вышивая.

– Лошадь – это ко лжи,
но необязательно мужней,
ты мне утром все расскажи,
сонники – это ненужное,
а измена – к ней тараканы,
а не мочёные груши.

Подумай как следует, Аня,
прежде чем космос рушить,
двери ломать, витражи,
или кому-то по роже...
Всё, починила, держи,
с экватором поосторожней.

* * *

Снег шёл вприпрыжку и взлетал на паперть,
сминался в накрахмаленную скатерть,
щенком кудлатым выбился из сил,
лишь хвостиком морозный дух косил,
не мог уже озоровать и лаять.
А мы могли. С улыбкой знатока
мы в снег проворно запускали руки
и плавали, покуда не разбухли
в распаренной истоме кипятка
сугробов, и вытапывали буквы,
похожие на «я тебя люблю»,
и усмехались, будто во хмелю,
и в сумерки садились, словно в сани...
И каждый миг бросал нам по рублю
в копилку ненадёжных ожиданий.

* * *

Снег мельтешил в растерянном полёте,
Метался между нами, как ребёнок,
Когда его родители в разводе,
Обескуражен, бесконечно-тонок.

Дома стояли северными дотами,
С фасадами, похожими на ять,
Мы говорили снегу «что ты, что ты»,
И целовались, чтоб его унять.

* * *

снег упал на осень
я тяну его
за белое пальто
«под эстета косим?»
он «ты что, ты что!»
смутился
пятнами покрылся
жёлто-бурыми
невнятными
похож на решето
я ложусь в него
говорит «неумно»
цвета чая
лапками качает
птичьими
так всегда
по снежному обычаю

* * *

– Чем я не ёлка? –
спрашивает кот. – Я даже лучше.
И лапу свою простирает с колючками.
– Посмотри, я пушист, я строен
и даже словно
припорошён снегом.
Ну куда тебе дурынду эту,
шариками обвешенную,
когда я – серебристый и нежный.
Я – котоёлка, мурлыкающая в темноте,
только глаза горят ярче гирлянды,
вместо осыпающихся иголок – вот тебе шерсть на ковре,
я промяукаю, точно куранты,
бенгальские искры от шкуры моей,
зачем тебе ёлка, эй?
Зачем тебе, глупая, вообще Новый год,
когда рядом – кот?

* * *

«Говорите тише-тише,
проходите дальше-дальше,
присмотритесь – там, где глуше,
но сияет всё же свет,
там и Брейгель младший-старший,
там и Брейгель старший-младший».
«Где же Брейгель лучший-лучший?»
«В Эрмитаже его нет».
А в столовке Эрмитажа
вечер гречен и компотен.
Я мечтаю съездить в Вену,
в Прагу или Вавилон,
чтобы Брейгель страшно-страшно
улыбнулся мне с полотен
самой снежной и нетленной,
забирающей в полон.

* * *

градусник выдал с утра +6,
дождь. такая зима.
не приезжаешь ко мне – жечь,
можно сойти с ума.
сани-салазки-коньки влёт
не разбирает люд.
не обернулась река в лёд,
птицы в неё плюют.
вечер уходит за магазин
винный, потом – в кювет.
в каждой снежинке любовь скользит,
в каждой дождевке – нет.

* * *

Какого Лота столько соли
на обезлюдивших дорогах.
Где жители – замёрзли, что ли,
в своих нетопленных берлогах?

Взлетает снег в четыре лутца
с асфальта – вот он, первый признак
погибели – не обернуться,
не разглядеть, там брат иль призрак,

молящий окрик или выюга –
не различить (пусть сгину, сгину!) –
но кто меня берёт за руку,
и кто меня толкает в спину?

Хоть в столб вцепись, бранясь и плача,
хватая ртом морозной каши...
но кто-то делает незрячим
и неуклонно гонит дальше.

КОГДА ИЛЬЯ УМЕР

Деду Владимира Бауэра посвящается

Там, где расплескала изумрудный цвет Алазанская долина,
жил-был мой дед, Ерёменко Данила.
Как он добрёл до этой долины, понять невозможно –
ведь родом он был с Украины, село Переможня.
Наверно, его заманил сюда дух саперави;
дед вообще любил алкоголь разных видов –
им он залечивал раны, полученные от «мессершмиттов».
Дед был пулемётчиком, сидел за лётчиком и стрелял, словно чёрт.
Хорошо видел вдаль. Заработал медаль и почёт.
О войне говорить не любил. Пил.
Однако пьянчужкой его называли напрасно.
Не расставался с кружкой, но был умелым, рукастым.
Представьте себе, Алазанская долина –
ни камней, ни деревьев, одна лоза кругом,
но дед обмазывал пустые бутылки глиной
и построил себе отличный дом.
В том, что он пил, не было никакого ужаса.
У него было счастливое супружество.
Потом ещё одно. Куча детишек, чаны с чачей, в бочках вино.
Помню, выпивал он настойку – бутылку, а то и две,
а потом вставал в стойку на голове.
Так стоял и тихонько чему-то смеялся.
В восемьдесят лет перестал.
На вопрос, почему, отвечал: «Настоялся».

Потом рухнул Советский Союз,
начались нищета, безработица, национализм.
Потомки деда, вспомнив, что они а-ля рус, вокруг него собрались.
«Поедем в Россию, там дают квартиры ветеранам войны,
посмотри, мы голы и сиры, давно никому не нужны...»
Дед отказывался, верещал, словно зуммер,
но ему говорили «надо»,
тогда он взял да умер, сжимая кисть винограда.
Его пепел развеяли над Алазанской долиной,
не проронив и слезы,
и долго ещё бабка варганила вина
из удобренной дедом лозы;
результат от них был специфичный –
после рюмки каждый плясал гопака,
или співал «Місячну нічку»,
даже не зная украинского языка.
А если от потрясения кто-то вдруг выпивал рюмки две,
то единственным было спасение –
постоять хоть немного на голове.

* * *

Она стареть не хотела, да и не старела, так и померла молодой:
её восьмидесятилетнее тело просилось на подиум, а не на упокой.
Подружки её старушки в сердцах поджимали губы,
замечали, что платья её требовали утюжки,
пироги подгорали, в сорняках погрязали клумбы,
огурцы не солились – кисли; далеко, в общем, до идеала.
Она виновато, казалось, разговорам этим внимала...
Но не исправилась: гроб заколачивали с таким звуком,
будто она спешила на свидание с очередным другом,
цокая по мостовой подкованными каблуками
(а ведь для неё уже обтесали могильный камень),
напевая «чем выше любовь, тем ниже поцелуи»,
вклиниваясь бестактно в «Господи, помилуй» и «аллилуйи».

* * *

У Ильи были сложные отношения с едой.
 Так, он сахар мешал с аспирином.
 Покупал рыбные котлеты только в форме рыбок.
 Молоко пил на убывающей луне, а кефир – на растущей.
 Выходил за продуктами ночью, непременно в жёлтом пуховике.
 Даже летом.

И, чтобы не чувствовать себя одиноко,
 заставлял и меня выходить вместе с ним
 в ближайшую «Азбуку вкуса»:
 я шла, натянув на пижаму с утятами
 довоенное дедушкино пальто из шевиота.

Охранники нас узнавали.
 Не останавливали.
 Подмигивали иногда.

Проворно склоняясь над полками
 (а он был под два метра ростом),
 Илья хватал упаковки и бормотал, как заведённый:
 «Е 300, Е 440, Е 212...
 Сумма не делится на 3....
 В сумме нет цифры 8...»
 И нервно бросал всё обратно.

Я – то мёрзла возле пельменей,
 то потела у винного отдела
 (закрытого, как на грех, по ночам,
 а как тут не захотеть опрокинуть стаканчик?),
 пока Илья не решался.
 Что-то щёлкало в его высоком, не по возрасту гладком лбу.
 Он вдруг начинал раскладывать упаковки по цветам радуги
 и, выбрав единственно правильный спектр,
 бежал к кассе, чтобы там снова задумчиво встать
 и перебирать кучу пластиковых карт,
 силясь вспомнить, на какой из них лежит сто рублей,
 а на которой – минус одиннадцать тысяч.

Оставив половину продуктов на кассе,
 другую половину он гордо нёс
 по главной улице нашего города
 до главного входа нашего дома.
 Победно крякали утята.
 Вальяжно шевелился шевиот.
 Жёлтый пуховик освещал нам дорогу.

Когда Илья умер,
 на его могиле вырос цветок
 с бутонами гиппераструма,
 с листьями калохортуса,
 со стеблем кардиокринума,
 с тонким запахом докторской колбасы.

* * *

Когда Илья умер, умер,
 Я сразу вызвала Uber.
 Сказала: «Везите его в Никуда,
 В то самое – правильно, да?»
 Но мне отвечали хмуро:
 «Девушка, он ведь умер.
 Он сам, и быстрее любого такси,
 Домчится до Господи-всех-нас-спаси,
 Повесьте, пожалуйста, трубку».
 И стало особенно жутко.

И я позвонила подруге.
 Она возмутилась: «Вот суки!
 Сейчас я приеду, – сказала.
 – Илью мы отправим с вокзала,
 Готовь ему там узелок».
 Но было по-прежнему йок.

И я позвонила подруге второй.
 Она закурила с презрением: «Отстой!»
 И я закурила от горя.
 «Илью мы отправим по морю.
 Сейчас я примчусь, только ногти докрашу.
 Ты там не тоскуй, постоим мы за наших.

Наглядь ему, что ли, тельняшку».
 Но было по-прежнему тяжко.

Я третьей тогда позвонила
 И с ней поделилась уныло.
 Она закричала: «Да что вы несёте,
 Быстрее, по любасу-то на самолёте,
 Сейчас я билет обеспечу».
 И стало немного полегче.

Но, хоть и неслись, и летели,
 Подружки мои не успели.
 Пока они мчались и плыли,
 В могилу его опустили.
 И галстуком перевязали кадык,
 Он стал настоящий во гробе мужик,
 Не мальчик, капризный и злой.
 Ну, в общем, он стал не собой.

И, как фронтовые, мы пили сто грамм.
 И даже не сфоткались для Instagram.
 Расплакались и разошлись по домам.
 Илья же остался там.

* * *

Надо всё пережить, даже смерть,
лишь потом, лишь потом умереть.
Но на Невском проспекте нет смерти.
Призрак Цоя и морок Кобейна
оглушают дома и кофейни.
Катерина с заносчивым личиком,
уходящим в мерцающий кобальт,
Зингер, Мертенс, Чичерин, Аничков
и в далёком изгнании – некрополь.

КАК ПРОЙТИ В БИБЛИОТЕКУ

* * *

Кабы я была ткачихой, наткала бы полотна,
кабы бабой Бабарихой, то была бы я полна
чёрной злобы к молодыцам, также к избам и коням,
кабы я была царицей, расстреляли бы меня,
кабы я была селёдкой, я бы, в шубу облачась,
и под пиво, и под водку раззадоривала вас,
кабы я упала в лужу, то смотрела б в облака
всем лицом своим наружу, кабы, кабы, кабы, ка...
Кабы я была машиной, то скорее, марки ЗИЛ,
кабы я была грузином, я бы девушек любил
и заглядывал бесчинно по утрам в соседний сад.
Ты гори, моя лучина, триста лет тому назад!

* * *

чугунная утятница – точь-в-точь утюг
куда эпоха катится тюх-тюх, тюх-тюх
ещё недавно в яблоках, в жиру, в желе
ещё недавно было так, теперь – желей
приправы или снадобья – сиди, тасуй
в микроволновку складывай свою тоску

* * *

Купите мыло, дорогой,
«Жасминовый каприз»,
и будет вам головой
до положенья риз!

Возьмите мыло, добрый друг,
«Дикорастущий хвоц»,
оно сотрёт любой недуг,
убьёт и прыщ, и вошь!

Берите мыло, господин,
«Сиреневый туман»,
устройте, если вы один,
с ним в ванной – океан.

Купите мыло, милый друг!
Отдам за полцены!
Но ускользнёт оно из рук
как ветреные сны.

У мыла розовая стать,
прыть зайца иль коня.
Его уж больше не достать
до завтрашнего дня.

И ты от Мойки до Мытищ
невымытым пойдёшь,
но в пыльном воздухе узришь:
сирень, жасмин и хвощ...

* * *

Кот прибегает ночью, кричит: «Вставай!
А если не хочешь, то мы сейчас упростим:
будет тебе второй потерянный рай,
как его... мене, текел и упарсин.

Страшной свинье на полке придёт конец,
грохоту сколько – монетки летят вразнос!
Тут на сосиски хватит, на холодец,
на китекэт – ну вообще не вопрос.

Рухнуло царство снов, побеждает кот!
Чую, что были персы в моем роду!

...

Как же я раньше под ванну влезал легко?
Ну ничего. Аз есмь. Аз еще гряду».

* * *

Печален фокусник без ассистентки,
как под столом забытый пипидастр,
его синдром замучит абстинентный –
никто воды в стакане не подаст.

Никто не ходит в стразах и пайетках,
не стряпает из кролика рагу.
Носки приобретают запах едкий
на радость дрессировщику-врагу.

Он не великий маг, а Пал Иваныч,
теперь его призвание – зевать,
и сам себя распиливает на ночь,
чтоб не раскладывать диван-кровать.

* * *

Был он добрый, недвуликий,
был застенчив он и мил,
лошадей кормил клубникой
и шампанским их поил.

А потом, вцепившись в гриву
и припав к гнедым бокам,
окрылённый и счастливый,
устремлялся к облакам

слушать ангелов распевки –
миро капало с ресниц...
И по всей округи девки
превращались в кобылиц.

* * *

Фонтанка дремлет; клёны, словно трубы,
вытягивают листьев кроткий дым.
Кругом пустынно; мы с тобой верблюды,
по волнам проплывает крокодил.

Он следует торжественно на Невский,
где будет по-турецки тарабэ,
позируя с прохожими за неско-
лько миллионов лайков на фб.

А позже разберут его фанатки
на ремешки, портфели, сапоги...
Как живописна изгородь Фонтанки,
как акварельна боль Невы-реки!

* * *

«Подскажите человеку,
как пройти в библиотеку,
не читал он трое суток
и порядком отупел».

«Эк тебя, родимый, крутит,
на, возьми волшебный пруттик,
им взмахни четыре раза,
и откроется тебе

потаённая, кривая,
путь-дорожка без трамвая,
ты катись по ней вприпрыжку,
руки-ноги береги,

где луна, фонарь, аптека –
там твоя библиотека,
в ней изысканны жирафы
и другие берега,

только помни – скоро осень,
и её закроют в восемь,
не успеешь – станешь книгой,
ненадолго, на века».

ВЫГОВАРИВАЛКИ

Черепную коробчонку прячу в чепчик и кепчонку.

На юге Юкатана кота икота укатала.

«Пасть порву!» – орал нарвал, нарываясь на коралл.

Между собой моржи мороженое распределяют настороженно.

Такса от таксидермиста тосклива, хоть и мускулиста.

Клетчатый клатч – для клёвых кляч.

Катали шар Ришар и клошар,
Ришар – в шёлке, клошар – с кошёлкой.

Как в Казани казуисты оказались неказисты.

Кочегары Че Гевары укачались в Уго Чавес.

Мы пили шоты, носили шорты и жрали шпроты.
Штормило шо-то...

В кафе на кафеле кефаль в фалафеле.

Ходили за гречкой, купили за грошик горошек в горшочке,
горшочек в горошек.

НЕБЕСОМ

* * *

а если я потру свои посты,
ты будешь пожимать плечами, ты,
который комментарии писал,
который лайкал, – будешь сожалеть,
ты будешь думать – маленькая смерть,
под летова качаясь или под
оxxxутігоп'а, исподволь испод-
нее пытаюсь вспомнить строк,
которые не смог, которых smog
затягивается плотнее штор,
и что там было раньше, что там, что...
вот цукерберг под стол пешком пошёл,
вот гейтс не может выглянуть в окно.

* * *

Обои в цветочек и нервный сон,
(подумаешь – нервный сон),
хочу я вернуться на тот балкон,
где каждый был невесом,
и в зелень с четвёртого этажа
семечки обронить.
Мы ели арбузы – живые, с ножа, –
дрожали пружинки ресниц.
Плевались, смеялись и что-то ещё,
подробности ни при чём.
Впивалось время в меня клещом,
ты вытащил – был врачом.
Обои в цветочек и нервный срыв
(подумаешь, нервный срыв) –
и длятся, и длятся арбузов костры,
сквозь годы так и не остыв.

* * *

Скрючишься, как в детстве, на диване,
и таким крючком тебя несёт
жалобным к потрескавшейся раме,
а потом в протяжный небосвод,

к облакам, что можно черпать ложкой
(ах, ванильные! ах, крем-брюле!),
а потом безжалостно положат
снова на диван. Как на столе

операционном замираешь,
ни тирлим тебе, ни тилибом...
Изредка бродячие трамваи
о твоё стекло ударят лбом.

НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ

А. К.

Все любовались на дождь, ну а ты на чай,
на хачапури, политый слезами с сыром,
и привыкала смотреть не из-за плеча
свергнутого, остывающего кумира.

Что отражалось в чашке – не различить,
горсточка тонких черт – расплескай их в блюдец;
жгут за соседним столиком трепачи,
и в одиночестве боязно захлебнуться

и позабыть про дыханье, про курс, про пульс...
Пусть темнота и весна не красна, но всё же
минус под вечер перечеркнулся в плюс,
остров казался материка надёжней.

* * *

Закат пуховый, воздух летний
текут по краю киноленты,
по верхнему, а нижний край
заполнен городским пейзажем,
где каждый штрих не так уж важен
– дома, огни. Шумит экран,
передавая автострады
морской баюкающий гул.
Пылит и теплится июль
и винной требует прохлады.
Нам хорошо. Мы – крупным планом
с балкона машем в никуда:
супергерой, кинозвезда...
И отражаемся в стаканах,
как в мокрых рельсах поезда.

* * *

Я вымучиваю стих
за двоих,
ты ж не пишешь ничего –
отчего,
ты же вроде бы поэт
или нет,
мне казалось, что эстет –
не аскет.
Новорожденный скелет
у стиха,
мы его положим в плед,
дохляка,
и оставим обрастать,
и под стать
заведем ему другой,
вот такой,
ну а если не свезёт –
унесёт
его тёмная река,
и – пока –
растворится без прикрас –
плюх да плых –
но зато он был у нас,
у двоих.

ВЕРЛИБРОМ ПО СОЛОВЬЯМ

ТОПОНИМИКА ПИТЕРА

мы находились на улице «разве»,
потом перешли на улицу «можно»,
потом оказались на улице «верить»,
а дальше было «пустым»...

* * *

часовенка возле торгового комплекса
так близко, почти приникает к нему;
перекрестись на вывески «рив гош» и «макдональдс» –
во имя отца, и сыра, и французских духов.

* * *

С моего холодильника постоянно падает
то Вологда, то Дрезден, то Испания –
это кот, который нигде не был,
переделяет мир.

* * *

Этот дождь похож на деда,
который беззубо шамкает,
проливает молоко на пол,
шелестит фантиками от конфет.
Ночью его мучает бессонница,
и он бродит по квартире, что-то ищет,
роняет, бормочет одно и то же.
Он уже всем надоел –
когда он, наконец, умрёт,
квартира тут же наполнится
весёлыми родственниками,
и мокрые кошки, отряхнувшись,
побегут за стайкой
мотыльков.

* * *

Лучший какао – в «Чайкоффском»,
а в «Шубах Шуберта» – норка со скидкой.
Но это – для тех, кто с деньжатами.
Зато абсолютно для всех
во двор по утрам въезжает «Мусоргский».
Сотрудники разодеты в костюмчики с нотами,
и, пока из бака в машину летят бытовые отходы,
насвистывают что-нибудь из «Хованщины»
(или «Листья шумели уныло» – осенью,
или «Ах ты, пьяная тетеря» – по выходным,
или «Пирушку» по праздникам).
Иногда какой-нибудь наглый эстет
выглянет из окна и крикнет:
«Прекратите уж, наконец, это интермеццо!»
или
«Каприччио вчера было, “Сиротку” давай!»
Но в основном все довольны.
Хоть какое-то разнообразие.
А то все шум Шумана да шёпот Шопена.

* * *

кафе «старый город» есть в любом городе
даже в недавно построенном
в кафе «старый город» есть кирпичная кладка
и чёрно-белые фотографии

в кафе «старый город» над столиками висят уличные фонари
и топор в воздухе
(обычно здесь очень накурено
и даже теперь, когда мы все вынуждены казаться здоровыми,
память о едком дыме застилает глаза)

в кафе «старый город» есть портал в другое измерение
или в другое время
отсюда – постоянное беспокойство
вдруг тебя кто-то окликнет?
интересно – радостно или с болью в голосе?

легкое дежавю
средней паршивости, крепкий кофе
неожиданно вкусный десерт

НОВОСЕЛЬЕ

Кот очень недоволен.
Очень встревожен.

Его не радует вид из окна
четырнадцатого этажа
– брейгелевский,
хоть и с заводскими трубами,
и с линиями электропередач.

У кота своя высокая точка зрения.
Он с чуть хрюкающим сопением
уходит в прихожую, где отчаянно чем-то гремит.

Я думаю, он хочет уйти.
Пытается открыть дверь.
Или сделать подкоп.
Вырваться отсюда в прежнюю жизнь.
Он ещё помнит, какая она.

Я – почти нет.
Из прошлой жизни у меня только кот
с перепуганными глазами цвета крыжовника
на чистеньком, почти девичьем, личике.

* * *

в детстве у меня были длинные пальцы,
и родители прочили мне карьеру пианистки,
но в музыкальную школу забыли отдать.

я росла непростой, неуклюжей,
избегала детей, теряла игрушки,
засмотревшись с открытым ртом внутрь себя.

в музыкальной школе меня бы встряхнули.
заставили бы поплясать на клавишах растопырками-пальцами,
которые удлинялись бы день ото дня.
заставили бы внимать звукам, более явным, чем внутренний шёпот,
учили бы выколачивать их из пластика в нужный момент.

ловкими пальцами я бы цеплялась за мир.
а развившийся слух вёл бы меня на шум суеты.

я бы жила, как по нотам, я бы жила припеваючи, я бы, я...
а сейчас только гладкие стены и музыка,
му-му-музыка,
которую никак из себя не извлечь.

СЛУЧАЙ В ФИЛАРМОНИИ

Никифоров сидел в филармонии
и считал выставленные вокруг него фаллосы.

А именно:

двадцать две колонны – гладкие, мощные,
с коринфскими пышными капителями,
четырнадцать колонн поменьше,
с умеренными завитушками,
восемь набухших люстр,
свисающих прямо перед его лицом,
шестьдесят четыре органных трубы
(впрочем, если рассматривать орган целиком,
то он больше походил на женский орган, чем на мужской –
изячно распахнутые крылья бабочки).

А потом на сцену вышел оркестр,
и Никифоров растерялся:
считать ли ему все фаллосы?
или только фаллосы статусные – дирижёра и первую скрипку?
или считать за фаллосы духовые инструменты?

Но тут заиграла симфония Тихона Хренникова,
и Никифоров, наконец, расслабился и стал слушать музыку.

ВЕРЛИБРОМ ПО СОЛОВЬЯМ

1

– Кто это поёт? – спросила я мужа,
заслышав вечером трель в саду. – Соловей?

– Нет, – ответил он, – скорее, пеночка, или воробей,
или другая пичуга.

Соловей узнается сразу:

вся его песня

состоит из коленцев, ритма, метра и рифм.

Фиу-фиу,

тюф-тюф-тюф-тюф,

фюить-фюить-фюить,

чр-чр-чр,

фиу-фиу-фиу... –

(тут он довольно похоже,
и в то же время забавно
изобразил пение соловья).

– Это – силлаботоника.

Другие пичуги,

хоть и задорно кричат,

но делают это бессистемно.

Совсем как верлибристы.

– Об этом можно написать верлибр, – заметила я.

Муж засмеялся.

Он – поэт.

2

«Американские поэты
долго писали о соловьях и жаворонках,
хоть ни тех, ни других
в Америке нет», –
процитировал муж
Михаила Гаспарова.

«В американских лесах птицы не поют», –
продолжал цитировать муж,
теперь уже Солженицына.

– Не может такого быть, я не верю.

Хоть какая-то пеночка,

или воробей,

или пересмешник,

пародирующий соловья, –

возмутилась я.

– Ты ничего не понимаешь!
Америка –
пропащая страна! –

Муж раскричался.
Он – патриот.

– Как ты сказал?
Америка.... –
я не успела вставить фразу в свой верлибр.

– Страна возможностей, –
быстро ответил муж, увидев,
что я стучу по клавиатуре.

Он – патриот, но не прочь
получить какой-нибудь грант
от западных фондов
на издание книги.

3

Мы отправились майским вечером в Митрополичий сад,
чтобы послушать соловьёв.
Обычно они поют в это время,
и даже вороны почтительно затихают
(или улетают подальше
от невыносимо высоких трелей).

Но соловьи молчали.
Погода не по сезону морозная,
и они, наверное, ещё не прилетели
или осоловели от холода.
От печали мы даже не открыли
взятую с собой бутылку вина.
Вернулись домой
и нашли в интернете соловьиные песни.

Это, конечно, совсем не то.
И муж подозрительно притих.
Он устал.

Но мне совершенно не нужна его фраза (рифма),
или какое-нибудь коленце,
чтобы закончить верлибр.
Там, где мне захочется поставить точку,
там и будет финал.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДВЕДЕВА ВИДИТ МЕДВЕДКОВО 3

«Что нам дал Пётр Первый...»	5
«Мужчина, у вас педаль застряла!...»	6
«Там, где море по колено...»	7
«Это мое мелкотемье - берег, залив...»	8
«Из Питера в Москву устремился сапсан...»	9
«мск, мск...»	10
«Повелевай на Павелецкой...»	11
«Курс рубля упадёт, ночь ли наступит безлунная...»	12
«давай пойдём по полю, по лесополосе...»	14
«Метелью взъерошены ветки...»	15
«Чермянка и не речка — ручеёк...»	17
«Хочу с тобою на залив, жить на заливе...»	18

СНЕГ — ЭТО К СМЕХУ 19

«— Снег — это к смеху...»	21
«Снег шёл вприпрыжку и взлетал на паперть...»	22
«Снег мельтешил в растерянном полёте...»	23
«снег упал на осень...»	24
«— Чем я не ёлка?...»	25
«Говорите тише-тише...»	26
«градусник выдал с утра +6...»	27
«Какого Лота столько соли...»	28

КОГДА ИЛЬЯ УМЕР 29

«Там, где расплескала изумрудный цвет Алазанская долина...»	31
«Она стареть не хотела, да и не старела...»	33
«У Ильи были сложные отношения с едой...»	34
«Когда Илья умер...»	36
«Надо все пережить, даже смерть...»	38

КАК ПРОЙТИ В БИБЛИОТЕКУ 39

«Кабы я была ткачихой, наткала бы полотна...»	41
«Чугунная утятница — точь-в-точь уют...»	42
«Купите мыло, дорогой...»	43
«Кот прибегает ночью, кричит "Вставай!"...»	45
«Печален фокусник без ассистентки...»	46
«Был он добрый, недвуликий...»	47
«Фонтанка дремлет; клёны, словно трубы...»	48
«Подскажите человеку...»	49
Выговаривалки	50

НЕВЕСОМ. 51

«а если я потру свои посты...»	53
«Обои в цветочек и нервный сон...»	54
«Скрючишься, как в детстве, на диване...»	55
Новая Голландия	56
«Закат пуховый, воздух летний...»	57
«Я вымучиваю стих...»	58

ВЕРЛИБРОМ ПО СОЛОВЬЯМ. 59

Топонимика Питера.	61
«часовенка возле торгового комплекса...»	62
«С моего холодильника постоянно падает...»	63
«Этот дождь похож на деда...»	64
«Лучший какао — в "Чайкоффском"...»	65
«кафе "старый город" есть в любом городе...»	66
Новоселье	67
«В детстве у меня были длинные пальцы...»	68
Случай в филармонии	69
Верлибром по соловьям	70

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «АВРОРА»

Литературно-художественное издание

Юлия Евгеньевна Медведева
МЕДВЕДЕВА ВИДИТ МЕДВЕДКОВО

Дизайн обложки *Erik Bauer*
Корректурa *Дарья Суховой*
Верстка *Алексей Воропанов*

Санкт-Петербургская
общественная организация культуры «Аврора»
197110, Санкт-Петербург, Большая Разночинная ул., д. 17-А
Тел. (812) 230-65-75. E-mail: avrora19-69@mail.ru

Подписано в печать 16.10.2023. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 4,4. Тираж 200 экз. Печать офсетная.
Заказ № 230.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 40.
Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: https://vk.com/renome_spb
www.renomesp.ru

Юлия Медведева –
поэт, публицист, куратор
литературных мероприятий.

Родилась в Ленинграде,
живет в Санкт-Петербурге.
В 2000 году окончила
факультет журналистики СПбГУ.

Вместе с друзьями и коллегами
организует Международный
литературный фестиваль
«Петербургские мосты»,
Литературный фестиваль памяти
Виктора Сосноры «СОСНОРА/ФЕСТ»,
Поэтическо-нумизматическую
премию им. Константина Вагинова.

Со стихами дебютировала
в журнале «Аврора» в 2016 году.
Лауреат премии журнала
«Зинзивер» (2016), премии
«Русский Гофман» (2019).

ISBN 978-5-00125-853-7

16+